

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.5>

UDC 94(4)“08/11”
LBC 63.3(0)329.48

Submitted: 15.06.2023
Accepted: 03.11.2023

TOURMARCHIA OF GOTHIA AND BYZANTINE TOPOTERETE AT MANGUP AT THE END OF THE 10th – EARLY OF THE 11th CENTURIES ¹

Valerii E. Naumenko

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article examines the circumstances of the simultaneous appearance at the end of the 10th century in the central fortress of the Mountain Crimea – Doros, a byzantine garrison led by topoterete and the establishment of a separate tourmarchia of Gothia in the region. A special study of the issue allows to expand understanding of the causes and content of military-administrative reform. **Methods.** The research is interdisciplinary in nature. It takes into account all available information from written, sphragistic, epigraphic and archaeological sources about the events that took place in Taurica during the reign of emperor Vasily II (976–1025). **Analysis.** Establishment at the end of the 10th century in the Mountain Crimea the tourmarchia of Gothia and the appearance of Byzantine topoterete in Doros are events that had common causes. In the case of the tourmarchia we are talking about a plan to create an independent administrative structure in the mountainous part of the peninsula, which was supposed to quickly respond to external threats and over time be transformed into a “small” theme typical of its epoch. The residence of the tourmarch was the Mangup fortress, where no later than 994–995 the reconstruction of the fortifications was completed. These works were supervised by a byzantine official with the title topoterete, who stood at the head of a regular military unit and whose powers were reminiscent of those known from the second half of the 8th century topoteretes of cities in the border provinces of the empire. **Results.** The history of the tourmarchia in Mountain Crimea was short and ended around the middle of the 11th century. However, its appearance and existence were fully consistent with the military-administrative practice of Byzantium at that time in many regions of the empire, where numerous “small” thematic structures were created in dangerous areas to contain the expansion of the enemy or consolidate the empire in the conquered territories.

Key words: Mountain Crimea, Byzantium, Mangup, Gothia, Doros, Tsoula, byzantine theme, tourmarch, topoterete.

Citation. Naumenko V.E. Tourmarchia of Gothia and Byzantine Topoterete at Mangup at the End of the 10th – Early of the 11th Centuries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 51-61. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.5>

УДК 94(4)“08/11”
ББК 63.3(0)329.48

Дата поступления статьи: 15.06.2023
Дата принятия статьи: 03.11.2023

ТУРМАРХИЯ ГОТИЯ И ВИЗАНТИЙСКИЙ ТОПОТЕРИТ НА МАНГУПЕ В КОНЦЕ X – НАЧАЛЕ XI ВЕКА ¹

Валерий Евгеньевич Науменко

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются обстоятельства одновременного появления в самом конце X в. в центральной крепости Горного Крыма – Доросе византийского гарнизона во главе с топотеритом и учреждения в регионе отдельной турмархии Готия. Специальное изучение вопроса позволяет расширить представления о причинах и содержании военно-административной реформы. Исследование носит междисциплинарный характер. В нем учтены все имеющиеся сведения письменных, сфрагистических, эпиграфических и археологических источников о событиях, происходивших в Таврике в правление императора Василия II (976–

1025). Учреждение в конце X в. в Горном Крыму турмархии Готии и появление в Доросе византийского топотерита являются событиями, имевшими общие причины. В случае с турмархией речь идет о замысле по созданию в горной части полуострова самостоятельной административной структуры, которая должна была оперативно реагировать на внешние угрозы и со временем быть преобразованной в типичную для своей эпохи «малую» фему. Резиденцией турмарха являлась Мангупская крепость, где не позднее 994–995 гг. завершилась реконструкция фортификационных укреплений. Руководил этими работами византийский чиновник с титулом топотерит, стоявший во главе регулярного воинского подразделения и напоминающий по своим полномочиям известных со второй половины VIII в. топотеритов городов в пограничных провинциях империи. История турмархии в Горном Крыму была короткой и завершилась около середины XI века. Тем не менее ее появление и существование полностью соответствовало военно-административной практике Византии этого времени во многих регионах империи, где на опасных направлениях создавались многочисленные «малые» фемные структуры для сдерживания экспансии противника или закрепления империи на завоеванных территориях.

Ключевые слова: Горный Крым, Византия, Мангуп, Готия, Дорос, Цула, византийская фема, турмарх, топотерит.

Цитирование. Науменко В. Е. Турмархия Готия и византийский топотерит на Мангупе в конце X – начале XI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 51–61. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.5>

Введение. Около десяти лет назад нам пришлось констатировать отсутствие в историографии обобщающих исследований по истории Крыма фемного периода (середины IX – середины XI в.), особенно в сравнении с многочисленностью такого рода работ о предшествующем «хазарском» периоде в истории региона. Обсуждение фемной организации византийской Таврики долгое время ограничивалось интерпретацией отдельных археологических комплексов и моливдовулов имперских чиновников, обнаруженных на памятниках полуострова, в то время как источниковая база общеисторических исследований мало чем отличалась от работ начала прошлого столетия, в которых анализировались известные нарративные свидетельства [19, с. 169–170].

Сейчас эта ситуация существенным образом изменилась. Беспрерывный процесс публикаций византийских печатей дополнен изданием двух крупных каталогов таких моливдовулов, обнаруженных в акватории Херсонесского (492 экз.) и Таманского (95 экз.) городищ и связанных, очевидно, с остатками местных таможенно-городских архивов VI–XIII вв. [27; 6]. Их появление позволило по-новому представить структуру имперских органов управления, прежде всего, в феме Херсон [6, с. 77–164], и систематизировать сведения источников о выделенных из ее состава в конце X – середине XI в. самостоятельных фемах Боспор [20; 26] (см. также

новую печать стратига Боспора из раскопок в Преславе (Болгария): [11, с. 88–89, рис. 2]) и Сугдея [25]. Введение в научный оборот уникальной печати катепана Херсона и Хазарии (1060–1080-е гг.) [8, с. 7–13, рис. 1; о ее датировке см.: 49, р. 192], а также нескольких моливдовулов архонта и дуки «Матрахи и всей Хазарии» или «Зихии, Матрахи и всей Хазарии» (около 1083–1094 гг.) [33, р. 97–99, fig. 1–2; 30, с. 168; 50, р. 125] вызвало широкую дискуссию вокруг даты завершения фемного периода в истории Крыма и характера дальнейшего византийского присутствия на полуострове [52; 24; 29; 7]. Одним из важных ее результатов стало появление в литературе новых терминов для обозначения периода конца XI – XII в. в истории византийской Таврики – постфемный период или эпоха «почтенных» нобилей, впрочем, еще требующих своего осмысления в ходе будущих исследований.

Несмотря на то что многие проблемы изучения фемной организации Таврики продолжают ждать своего решения, важно отметить уже вполне сложившуюся внутреннюю периодизацию системы управления данной провинции Византийской империи, отмеченную последовательным появлением и трансформацией различных по территориальным пределам и назначению военно-административных структур – от первоначальной фемы Климатов (около 841 – конец 850-х гг.) и «классической», то есть включавшей в свой состав все приморские и горные области полуостро-

ва фемы Херсон (около 860 – 960-е гг.), до сосуществования в регионе нескольких самостоятельных административных единиц, подчиненных Константинополю – фем Херсона, Боспора, Сугдеи и турмархии Готия (конец 960-х – около 1059 г.). Завершающим этапом эволюции фемной организации в Крыму считается кратковременный период объединенной фемы Херсона и Сугдеи (около 1059–1066 гг.) и византийского катепаната с центром в Херсоне (около 1066–1083 гг.) [19, с. 174–175, 185, 190–191; 7, с. 417].

Среди перечисленных фемных структур Византии на территории Крыма наименее изученной остается турмархия Готия. В лучшем случае ее рассматривают как подразделение фемы Херсон, созданное в конце X – начале XI в. в горной части полуострова в связи с ростом древнерусской угрозы для северных владений империи. Считается, что резиденцией турмарха являлась крепость Дорос (Мангупское городище), где в это время находился отдельный гарнизон во главе с топотеритом, который руководил масштабными работами по укреплению ее оборонительной системы [3, с. 233; 9, с. 264–265; 21, с. 180–181; 1, с. 44–45]. Ниже мы попытаемся показать, что специальное исследование данного вопроса позволяет расширить наши представления об обстоятельствах и содержании этой военно-административной реформы.

Методы. Исследование носит междисциплинарный характер. При анализе содержания должностей топотеритов и турмархов в эпиграфических и сфрагистических источниках по истории Горного Крыма использован весь комплекс сведений о происхождении и полномочиях данных категорий византийских чиновников. Такой подход дает возможность рассматривать происходившие в конце X – начале XI в. в Таврике военно-административные преобразования не как случайные события, а как действия, которые следовали общей логике реформирования провинциального управления и армии в Византии в это время. Для объективной оценки исторического контекста строительной надписи топотерита Цулы 994–995 гг., до сих пор сохраняющейся *in situ* в одной из оборонительных башен на Мангупе, в работе учтены результаты недавних раскопок этого памятника.

О византийском топотерите на Мангупе-Доросе. Единственным свидетельством об этом византийском чиновнике в истории Мангупа является хорошо известная строительная надпись с именем Цулы в обкладке одной из оборонительных башен укрепления А.ХI в ущелье Табана-дере [21, с. 169, ил. 8]. Относительно недавно А.Ю. Виноградовым выполнено ее новое прочтение: «Построена эта стена во дни местоблюстителя [топотерита] Цулы-бега, сына Полета, в 6503 г. [=994–995 гг.]» (+ Ἐκτίσθη ὁ τῦχος τ(οῦ)τος ὑπὸ ἡμερὸν τοποτηριτοῦ Τζουλα-βήγγη υ(ίο)ῦ Πολέτα ἕτος ςφγ´) [9, с. 263], что позволяет соотнести надпись с фемным периодом в истории крепости.

Такая интерпретация памятника полностью соответствует результатам новейших археологических исследований оборонительной системы Мангупского городища, которые выявили на разных участках крепостного полигона его Главной (Внешней, построенной еще в 550–565 гг.) линии обороны следы, по крайней мере, двух крупных ремонтов-реконструкций, проводившихся гарнизоном крепости в середине IX в., вскоре после включения Дороса в состав византийской фемы, и в самом конце X в. в связи с приданием ему статуса центра новообразованного турмархата Готия в Горной Таврике [21]. Более того, завершившиеся в 2022 г. исследования расположенного рядом с укреплением А.ХI в. Северного пещерного монастыря позволили уточнить чтение еще одного важного эпиграфического источника – надписи-граффити над аркосолием в северной стене его пещерного храма. В переводе А.Ю. Виноградова надпись выглядит следующим образом: «В 6603 году [=1094–1095 гг.]. Строится в Манкуте рабом Божьим настоящий священный храм святого Иакова» (Ἐτους ςϸγ´. + Γύνετα(ι) ἐν Μαγκοῦτ π[αρ]ὰ δ[ού]λου θε(ο)ῦ, ὁ ναὸς ὁ παρῶ]ν ἱερός τοῦ ἀ[γ]ίου Ἰ[α]κ[ώ]βου) [10, с. 54, рис. 2]. Оставляя здесь без рассмотрения необычный топоним «Манкут» для обозначения Мангупа-Дороса, отметим главное: новая датировка этой, несомненно, строительной надписи свидетельствует о том, что к концу XI в. укрепление А.ХI, реконструированное в 994–995 гг., уже было заброшено, и на его месте вырублен пещерный монастырь, освященный в честь св. Иакова.

Возвращаясь к содержанию интересующей нас надписи Цулы, следует подчеркнуть, что новая интерпретация эпиграфического памятника уже получила полную поддержку в работах, посвященных общим проблемам истории и археологии Горной Таврики в период включения региона в состав византийской фемы [19, с. 190; 21, с. 180–181; 1, с. 44]. Точная хронология источника (1 сентября 994 – 31 августа 995 г. по Р.Х.) позволяет считать неаргументированной критику со стороны исследователей, пытающихся датировать его более поздним временем на основании ряда косвенных признаков (отсутствия в тексте индиктов, имен императоров и высокопоставленных византийских чиновников, сомнения в хронологическом обосновании палеографии некоторых букв и пр.) и никогда не проводивших натурное изучение самой надписи [15, с. 656–659; 14].

Пожалуй, единственным серьезным замечанием наших оппонентов, заслуживающим специального историко-лингвистического исследования, является сомнение в точности воспроизведенного в версии А.Ю. Виноградова имени византийского топотерита на Мангупе – «Цула-бег, сын Полета», которое, на самом деле, может иметь и другие варианты произношения, безусловно, без внутреннего словоделения – Цулавиг (Τζουλαβίγη), Цулавиги (Τζουλαβίγης) и др. Сам автор новейшей редакции надписи также допускает иное прочтение имени мангупского топотерита [9, с. 265]. Однако в этом случае придется отказаться, что нам представляется вполне логичным, от обязательной прямой связи строителя в надписи с хорошо известным в просопографии византийской Таврики аристократическим родом Цул, представители которого занимали множество военно-административных постов в этой византийской провинции во второй половине X – начале XI в. (о Цулах в истории Крыма см.: [2; 23; 9, с. 266–268]; 27 печатей представителей этой фамилии изданы во французском каталоге моливдовулов из Херсона: [31, р. 162, 173–176, 231–238, по. 77, 89, 151–160]; еще три печати опубликованы позднее: [32, с. 366, № 8; 27, с. 46, № 13; 6, с. 354, III.1.66.7]. Также маловероятно, с учетом нерешенности вопроса этимологии имени Цулы (?) (или все же Цулавига (?)) из над-

писи на Мангупе, считать его представителем одной из групп тюркского населения в Византии [9, с. 269]. Скорее, этого топотерита нужно рассматривать как византийского чиновника негреческого происхождения, выполнявшего свои обязанности в одной из отдаленных крепостей империи.

Что может означать появление византийского топотерита на Мангупе в самом конце X века? Тем более что этот случай выглядит почти уникальным для истории Крыма, так как единственным примером является печать Адриана, императорского спафария и топотерита флота из Херсона, датированная издателем IX в. [5, с. 12, № 4], но не имеющая, конечно, никакого отношения к сюжету нашего исследования.

А.Ю. Виноградов считает топотерита из надписи в ущелье Табана-дере подчиненным (заместителем?) стратига фемы Херсон и одновременно главой византийского гарнизона Дороса [9, с. 265]. А.И. Айбабин видит в нем командира отдельной топотирисии (административно-территориального округа низшего уровня), входившей в состав турмы Готия фемы Херсон [1, с. 45]. Предварительно рассматривая этот вопрос, мы также пришли к выводу о том, что мангупский топотерит, являясь комендантом крепости и возглавляя в 994–995 гг. масштабные работы по ее укреплению, находился в подчинении турмарха Готии [21, с. 181]. Однако достаточно ли такого заключения, чтобы объяснить круг полномочий этого редкого для военно-административного устройства византийского Крыма имперского чиновника?

Чтобы ответить на этот непростой вопрос, надо иметь в виду длительный и разноплановый характер должности топотерита в административной практике Византийской империи. Если не рассматривать здесь слабо изученную в историографии проблему происхождения данного института, который появляется, вероятнее всего, в правление Юстиниана I (527–565) в качестве его полномочных представителей в одном или нескольких городских округах восточных провинций империи [34, р. 52; 42, р. 759, 1312], а также совершенно не ясных *топотеритов без должности* (οἱ τοποτηριταὶ ἄπρατοι) в Тактиконе Ф.И. Успенского (около 842–843 гг.) [46,

р. 58–59], то возможно выделить три разряда чиновников с таким титулом для фемного периода в истории Византии: топотеритов городов, топотеритов тагм и топотеритов фем.

Топотериты городов. Представляют специфическую группу имперских чиновников, по всей видимости, с военными функциями, характерную для организации управления южной части византийской Италии (Сицилия, Калабрия) и некоторых регионов Фракии во второй половине VIII – IX веке. По наблюдениям В. Прижана, посвятившего специальное исследование им, это были офицеры во главе постоянных гарнизонов в стратегически важных городах и крепостях, организованных по образцу созданных в ходе военной реформы Константина V (741–775) тагм схол и экскувитов, основных подразделений регулярной византийской армии наступательного действия. Численность таких гарнизонов (до 200 человек) сопоставима с численностью банд в фемных контингентах. На Сицилии вместе с морскими силами местной фемы они обеспечивали военное присутствие Византии в регионе [48, р. 149–151, 158] (о реформе Константина V см.: [17, с. 74–98]). Следуя этой логике, возможно предполагать, что такие же или близкие по своим полномочиям топотериты изредка продолжали назначаться в отдельные города и местности Италии, Греции и Малой Азии и в дальнейшем, вплоть до XI в. [43, р. 127–128, п.о. 51.1; 38, р. 250, 313, по. 3.4, 3.132]. Однако, скорее всего, эта административная практика имела в истории империи лишь ситуативный характер, будучи вызванной экстраординарными обстоятельствами (к примеру, необходимостью установления контроля за коммуникациями, подготовкой военной операции и пр.). Именно поэтому топотериты городов не известны в письменных источниках, прежде всего, в византийских тактиконах, в качестве особой категории провинциальных военных или гражданских чиновников, а все данные о них остаются ограниченными небольшим кругом малоинформативных и поэтому дискуссионных сфрагистических материалов.

Топотериты тагм. Начиная с реформы Константина V и вплоть до XI в. такие топотериты являлись заместителями командиров императорского флота, структуру управления которого мы здесь не рассматриваем, и всех

наиболее важных тагм (схол, экскувитов, арифм, иканатов), регулярных подразделений византийской сухопутной армии [34, р. 47–66; 40, р. 24–32; 41, р. 228–256; 45, S. 47–121; 17, с. 74–78, 107–108, 112–113]. Их высокое положение в чиновничьей иерархии империи надежно зафиксировано византийскими тактиконами [46, р. 54–57, 110–111, 114–115, 118–119, 148–151, 272–273]. Если до середины X в. тагмы в основном дислоцировались в Константинополе и его округе, принимая участие только в наступательных военных операциях, то в ходе военно-административных преобразований Никифора Фоки (963–969), Иоанна Цимисхия (969–976) и Василия II Болгаробойцы (976–1025) их положение существенным образом изменилось. В связи со снижением боеспособности фемных ополчений многие подразделения столичных тагм во главе со своими топотеритами были на постоянной основе размещены в пограничных провинциях Византии, вблизи действующих либо потенциальных театров военных действий, переходя под верховное командование местных стратиггов фем либо командиров создаваемых здесь катепанатов и дукатов [47, р. 143, 148, 150; 36; 18, с. 25–31]. Некоторые из таких топотеритов могли выполнять поставленные перед ними задачи в условиях почти полной изоляции, из-за чего в источниках их иногда ассоциируют с топархами пограничных областей, городов или крепостей [35]. Тем не менее, как ясно показывают материалы сфрагистики, какова бы ни была степень автономии этих топотеритов-топархов, их связь с первоначальной тагмой никогда не прекращалась (см., например: [37, р. 111–112, № 154; 44, р. 147, 236, 406–407, № 209, 362, 711]).

Топотериты фем. Вне нашего анализа оставляем топотеритов фем Оптиматов и Опсикий, структура которых близка столичным тагмам [46, р. 339, 348]. Главное внимание в данном случае должно быть сосредоточено на впервые упомянутых в Эскуриальском тактиконе (970-е гг.) топотеритах фем (οἱ τοποτηρηταὶ τῶν θεμάτων) [46, р. 272–273]. По всей видимости, речь идет о командирах военных отрядов регулярного типа, набранных на добровольной основе из числа жителей округа и находившихся в непосредственном подчинении стратигам фем. Наличие таких под-

разделений в составе фемных иррегулярных ополчений не является новшеством для преобразований византийской армии во второй половине X – начале XI века. Как показал А.С. Мохов, регулярные военные структуры (таксаты, таксеоты, таксиархи и др.) начиная с конца VIII в. всегда составляли наиболее боеспособную часть фемного войска; из их же числа формировались гарнизоны крепостей и отряды телохранителей стратигов. Возглавляли «провинциальные тагмы» доместики фем, входившие в штаб стратига фемы [17, с. 96, 131–134]. Тем не менее в полное подчинение стратигам могли быть переданы и подразделения столичных тагм во главе с их топотеритами, о чем свидетельствует анализ хорошо известных отрывков из сочинения Кекамена [12, с. 204–205, 295–301]. Константин Багрянородный, описывая историю формирования фемы Каппадокия, использует для обозначения семи банд ее турмы Коммата синонимичный термин топотирисия (ἡ τοποτηρισία) [13, с. 224–225]. Это дает основания исследователям рассматривать топотерита на Мангупе-Доросе в конце X в. как командира одной из низших административно-территориальных единиц, на которые была разделена в это время местная фема [1, с. 44–45]. На наш взгляд, это предположение не верно, так как сообщение византийского автора является, по своей сути, уникальным и не находит подтверждения в других источниках. К тому же бандами в фемах, и это главное, командовали друнгарии и комиты, но не топотериты (см.: [34, р. 41; 17, с. 129–130]).

Анализируя полученные результаты исследования различных категорий византийских чиновников с титулом топотерит и сопоставляя их с обстоятельствами появления топотерита Цулы (?) в истории Мангупского городища, следует заключить, что наименее вероятным является связь последнего с топотеритами столичных тагм Византийской империи, хотя регулярный характер его должности, как и службы солдат, находившихся в подчинении, не вызывает сомнений. Как бы ни были невелики размеры строительной плиты из крепостной стены на Мангупе, невозможно представить, чтобы принадлежность автора надписи к одному из элитных подразделений византийской армии не была в ней

отмечена. Оба остальных варианта интерпретации содержания надписи – топотерит города (крепости) или топотерит в составе местной фемной структуры – нам представляются вполне допустимыми. Остается лишь понять, с каким из существующих в Горной Таврике военно-административных округов этого времени – фемой Херсон или турмархией Готия – мангупский топотерит соотносится.

О турмархии Готия в Горном Крыму. К сожалению, мы обладаем крайне скудной информацией об этой византийской военно-административной единице в Крыму. Известны лишь две печати Льва, императорского спафария и турмарха Готии, конца X – начала XI в., оттиснутые одной парой штемпелей и найденные в Херсоне и на Боспоре [3; 4]. Вероятно, это свидетельствует о непродолжительной истории территориального округа и значительной автономии его главы, самостоятельно ведшего переписку с представителями других фемных структур на полуострове. Топоним Готия в легендах моливдовулов указывает на географию исполнения полномочий турмархом, в пределах горной части Таврики, что совпадает с территорией архиепископии Готии, известной по данным нотиций и материалам сфрагистики этого времени [39, р. 294, № 8; 28]. Напротив, археологические исследования многочисленных крепостей и поселений региона объективно показывают неизменно византийский характер материальной культуры Горного Крыма на протяжении всего фемного периода (общий обзор памятников: [1, с. 31–42]; о топографии Мангупской крепости см.: [22]).

Справедливо считается, что турмархи на протяжении большей части истории данного института, то есть со второй половины VII до XI в., неизменно были связаны с территориальной и военной организацией византийских фем. Они являлись высокопоставленными архонтами в фемах, подчиненными непосредственно их стратигам, но получавшими свою должность по личному распоряжению императоров. Турмархи выполняли свои полномочия в пределах турм – крупных административных единиц, на которые делилась фема (от 2-х до 4-х), осуществляя в них верховную военную и гражданскую власть, хотя характер последней, как и история отдельных турм

империи, остаются совершенно не разработанными направлениями в историографии. Каждая турма представляла собой крупную территориальную единицу, границы которой совпадали с более ранней позднеримской (ранневизантийской) провинцией или географической областью (отдельной равниной, течением реки или системой горных долин), пределы которой на местности были хорошо выражены. Опубликовано множество печатей турмархов (около 200), значительная часть которых, особенно для периода второй половины VIII – X в., содержит в легендах точные указания (топонимы) на место службы их владельцев (основная работа по истории института турмархов: [51]; см. также: [17, с. 126–130]).

Казалось бы, после такого обзора нет оснований сомневаться в принадлежности готского турмарха штабу стратига фемы Херсон и предполагать наличие в ее составе нескольких турм. Однако не все так просто. Несмотря на сотни опубликованных моливдовулов чиновников фемы Херсон надежных свидетельств деления ее на турмы и более низшие территориальные единицы до сих пор нет. Аппарат управления округом представлен главным образом стратигами и коммеркиариями, изредка – протонотариями и *ἐκ προσώτου*, а также многочисленными «внетабельными» чиновниками (кирами, экдиками, патерами полиса и особенно протевонтами), нетипичными для провинциально-административной практики в Византии [6, с. 82]. В совокупности это дает возможность рассматривать происхождение турмархии Готии вне связи с эволюцией внутренней организации фемы Херсон.

Нам уже приходилось обращать внимание исследователей на то, что появление в самом конце X в. византийского турмарха в Готии и масштабная реконструкция оборонительных сооружений ее главной крепости на Мангупе-Доросе, проводившаяся гарнизоном во главе с топотеритом, не являются событиями, случайно совпавшими по своей хронологии. Они могут рассматриваться лишь в совокупности, в качестве закономерной реакции Византии на рост военной угрозы ее владениям в регионе со стороны Древнерусского государства в 960–980-е гг., что привело в конечном итоге к реформированию существо-

вавшей здесь фемной организации [19, с. 189–191; 21, с. 180–181]. На смену единой фемы на полуострове приходит новая система управления, основанная на множестве территориальных структур фемного типа («малые» фемы Боспор и Сугдея, турмархия Готия), создававших внешний оборонительный пояс вокруг центрального форпоста империи в Таврике – фемы Херсон. Эти преобразования полностью соответствуют военно-административной практике Византии в правление Василия II Болгаробойцы во многих регионах империи – на Балканах, в Южной Италии, в Эгейском бассейне, где на потенциально опасных направлениях в это время были созданы многочисленные «малые» фемы для сдерживания экспансии противника или временного закрепления империи на завоеванных территориях. Все эти «малые» фемы, по сути, являлись административными микроструктурами, то есть не подлежащими делению на более мелкие территориальные единицы. Их размеры ограничены округой центрального города (крепости) области, расположенного вблизи важных стратегических объектов (дорог, перевалов, переправ, морских портов), а воинские контингенты состояли в основном из крепостных гарнизонов, сформированных из отрядов регулярной армии или иностранных наемников (подробнее см.: [16; 18, с. 50–65]). По завершению активной фазы функционирования «малых» византийских фем конца X – начала XI в. их судьба могла быть различной. Некоторые быстро прекратили свое существование в качестве отдельных административных структур империи, как «малая» фема Сервия, история которой ограничена периодом 976–1018 гг., после чего ее укрепления были разрушены и не восстанавливались вплоть до второй половины XIII в., когда область уже находилась за пределами Византии [16, с. 27–29]. Другие же, напротив, со временем трансформировались в полноценную фемную организацию, как в случае с Хиосом, где первоначально (не позднее 993 г.) была построена византийская крепость, ставшая проводником имперской политики в регионе под руководством неизвестных нам чиновников, а в 1025–1026 гг. источники уже фиксируют здесь стратига местной фемы, исполнявшего свои обязанности вплоть до последней четверти XI в. [18, с. 56–59].

Случай с фемой Хиос нам кажется чрезвычайно показательным для реконструкции истории появления турмархии в Горном Крыму. По всей видимости, с учетом сложного характера местности и обширных географических пределов области, речь идет о нескольких этапах реформирования сложившейся здесь византийской системы управления. Первый из них (начало 990-х гг.) отмечен восстановлением обороноспособности центральной крепости региона силами расквартированного в ней регулярного воинского подразделения (гарнизона крепости) во главе с топотеритом. Одновременно Мангуп-Дорос получил статус резиденции учрежденной в Готии турмархии, а ее глава – самые широкие полномочия, явно превышающие обязанности обычного фемного турмарха. На втором этапе, вероятно, предполагалось трансформировать административную структуру турмархии в полноценную одноименную фему, однако этот замысел по каким-то причинам остался unrealizovannym. После середины XI в., как показывают результаты современных раскопок Мангупского городища, крепость вступила в полосу длительного упадка, и ее укрепления надолго (до конца XIII в.) оказались заброшенными.

Результаты исследования. Учреждение в конце X в. в Готии отдельной турмархии и одновременное появление византийского топотерита в Доросе, центральной крепости Горного Крыма, являются военно-политическими событиями, имевшими общие причины. В случае с турмархией речь идет о первоначальном замысле по созданию в регионе самостоятельной административной структуры, не зависимой от фемы Херсон, которая должна была оперативно реагировать на внешние угрозы и со временем, возможно, быть преобразованной в типичную для своей эпохи «малую» фему. Резиденцией турмарха сразу была определена Мангупская крепость, где не позднее 994–995 гг. завершилась реконструкция и ремонт фортификационных укреплений. Руководил этими работами византийский чиновник с титулом топотерит, стоявший во главе регулярного воинского подразделения и напоминающий по своим полномочиям известных со второй половины VIII в. топотеритов городов в пограничных провинциях импе-

рии. Его, безусловно, можно считать комендантом Дороса, а вверенный ему армейский отряд – гарнизоном крепости. В то же время не вызывает сомнения подчиненное турмарху Готии положение этого топотерита. История турмархии в Горном Крыму была короткой и завершилась около середины XI века.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

This study was supported by the Russian Ministry of Education and Science, Megagrant Project No. 075-15-2022-1119.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Evolyutsiya gorodov na Vnutrenney gryade Krymskikh gor v Srednie veka [The Evolution of Cities on the Inner Ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages]. Aibabin A.I., ed. *Gorod na Vnutrenney gryade Krymskikh gor v Srednie veka i Novoe vremya: sb. nauch. st.* [City on the Inner Ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages and Modern Times]. Simferopol, Antiqua Publ., 2022, pp. 7-85.
2. Alekseienko N.A. Novye nakhodki molivdovulov roda Tsuly v Khersone [New Finds of Molybdoboulloi of the Tsoula Family in Kherson]. *Drevnosti-1995. Kharkovskiy istoriko-arkheologicheskiy ezhegodnik* [Antiquities-1995. Kharkiv Historical and Archaeological Annual]. Kharkiv, Biznes Inform Publ., 1995, pp. 81-87.
3. Alekseienko N.A. Gotiya v strukture vizantiyskoy sistemy v Tavrike vo vtoroy polovine X veka [Gothia in the Structure of the Byzantine System in Taurica in the Second Half of the 10th Century]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesos Collection], 1998, iss. IX, pp. 230-235.
4. Alekseienko N.A. Vizantyskaya administratsiya na Bospore vo vtoroy polovine X v. (po dannym pamyatnikov sfragistiki) [Byzantine Administration in the Bosporos in the Second Half of the 10th Century (According to Sphragistic Monuments)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archeology, History and Ethnography of Tauria], 2006, iss. XII, pp. 564-570.
5. Alekseienko N.A. Torgovyy i voenny port vizantiyskogo Khersona po dannym pechatey predstaviteley morskogo vedomstva imperii [Trade and Military Port of Byzantine Kherson according to the Seals of Representatives of the Maritime

Department of the Empire]. *Sugdeyskiy sbornik* [Sugdeja Collection], 2008, iss. III, pp. 8-15.

6. Alekseienco N.A. *Vizantiyskiy Kherson VI–XIII stoletiy v pamyatnikakh sfragistiki* [Byzantine Cherson of the 6th–13th Centuries in the Monuments of Sphragistics]. 1. *Chinovniki Khersona VIII–XI vv.* [Officials of Kherson 8th–11th Centuries]. Sevastopol, Kolorit Publ., 2017. 474 p.

7. Alekseienco N.A. Gosudarstvennyy apparat Vizantii v XII v.: imperiya «pochtennykh» nobiley po dannym sfragistiki [The Twelfth-Century State Machinery of Byzantium: The Empire of “Venerable” Nobles According to Sigillographic Data]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2019, iss. XXIV, pp. 407-422. DOI: 10.37279/2413-189X

8. Alekseienco N.A., Tsepkov Yu. Katepanat v Tavrike: legendarnye svдетельstva ili istoricheskie realii [Katepanat in Taurica: Legendary Evidence or Historical Realities]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesos Collection], 2012, iss. XVII, pp. 7-17.

9. Vinogradov A.Yu. Nadpis iz Tabana-dere: pyatsot let spustya [Inscription from Tabana-dere Ravine: 500 Years Later]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquities and the Middle Ages], 2009, vol. 39, pp. 262-271.

10. Vinogradov A.Yu. Toponymica Pontica 4. K voprosu o drevnem nazvanii Mangupa [Toponymica Pontica 4. On the Question of the Ancient Name of Mangup]. Alekseienco N.A., ed. *XV Mezhdunarodnyy Vizantiyskiy seminar «Chersōnos themata: imperiya i polis»: materialy nauch. konf.* [The 15th International Byzantine Seminar “Chersonos themata: ‘Empire’ and ‘Polis’”. Materials of Scientific Conference]. Simferopol, Arial Publ., 2023, pp. 53-56.

11. Jordanov I. Pechatite na Arkadiy strateg na Bospor (X–XI vv.) [Seals of Arcadios, of Strategos of Bosporos (Tenth to Eleventh Century)]. Alekseienco N.A., ed. *X Mezhdunarodnyy Vizantiyskiy seminar «Chersōnos themata: imperiya i polis»: materialy nauch. konf.* [The 10th International Byzantine Seminar “Chersonos themata: ‘Empire’ and ‘Polis’”. Materials of Scientific Conference]. Sevastopol, IAK RAN Publ., 2018, pp. 87-90.

12. Litavrin G.G., ed. *Kekaumenos. Sovety i rasskazy* [Precepts and Anecdotes]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2003. 711 p.

13. Litavrin G.G., Novoseltsev A.P., eds. *Constantine Porphyrogenitus. Ob upravlenii imperiei* [De administrando imperio]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 496 p.

14. Kuzenkov P.V., Mogarichev Yu.M., Sazanov A.V. K voprosu datirovki i interpretatsii Mangupskoy nadpisi iz Tabana-dere [On the Question of Dating and Interpretation of the Mangup

Inscription from Tabana-dere]. Lebedinsky V.V., ed. *Istoricheskie, kulturnye, mezhnatsionalnye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka: materialy VII Mezhdunar. nauch. konf.* [Historical, Cultural, Interethnic, Religious and Political Connections of Crimea with the Mediterranean Region and the Countries of the East. Materials of the 7th International Scientific Conference]. Vol. 2. Moscow, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Science, 2023, pp. 9-13.

15. Mogarichev Yu.M., Sazanov A.V., Sorochan S.B. *Krym v «khazarskoe» vremya (VIII – seredina X v.): voprosy istorii i arkheologii* [Crimea in the “Khazar” Times (8th – 10th Centuries): Problems of History and Archeology]. Moscow, Neolit Publ., 2017. 744 p.

16. Mokhov A.S. Mikrostruktury vizantiyskoy voenno-administrativnoy sistemy v X–XI vv.: fema Serviya [Microstructures of the Byzantine Military-Administrative System in the 10th – 11th Centuries: Thema of Servia]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* [Izvestia of Ural State University. Series 2, Humanities], 2010, no. 3 (79), pp. 19-30.

17. Mokhov A.S. *Vizantiyskaya armiya v seredine VIII – seredine IX v.: razvitie voenno-administrativnykh struktur* [The Byzantine Army in the Mid-8th – Mid-9th Centuries: Development of Military-Administrative Structures]. Yekaterinburg, Ural University Publ., 2013. 278 p.

18. Mokhov A.S., Kapsalykova K.R. «Pust drugie rasskazyvayut o vygode i roskoshi, chto prinosit voyna»: vizantiyskaya polemologicheskaya traditsiya X–XI vv. [“Let Others Talk About the Benefits and Luxury That War Brings”: Byzantine Polemological Tradition of the 10th–11th Centuries]. Yekaterinburg, Ural University Publ., 2019. 300 p.

19. Naumenko V.E. Tavrika v sisteme russko-vizantiyskikh otnosheniy serediny X – nachala XI v. (istoriko-arkheologicheskii kommentariy) [Taurica in Russian-Byzantine Relations in the Middle of the 10th – Early 11th C. (Historical and Archaeological Comment)]. Alekseienco N.A., ed. *Chersōnos themata: ‘imperiya’ i ‘polis’: sb. nauch. tr.* [“Chersonos themata: ‘Empire’ and ‘Polis’”. Collection of Scientific Papers]. Sevastopol, Arefev Publ., 2013, pp. 169-206.

20. Naumenko V.E. K Diskussii o politiko-administrativnom statuse Bospora v X–XII vekakh [To the Discussion on the Political and Administrative Status of the Bosporan Kingdom in the 10th–12th Centuries]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2016, vol. 21, no. 5, pp. 67-80. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.5.6>

21. Naumenko V.E. Dva primera rekonstruktsii Glavnoy linii oborony Mangupskoy kreposti v femnyy period istorii [Two Examples of the Reconstruction of the Main Defense Line of Mangup Fortress in the Theme Period of Its History]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquities and the Middle Ages], 2022, vol. 50, pp. 165-184. DOI: <https://doi.org/10.15826/adsv.2022.50.011>
22. Naumenko V.E. Mangup-Doros v femnyy period istorii [Mangup-Doros in the Theme Period of Its History]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2022, iss. XXVII, pp. 166-208. DOI: <https://doi.org/10.29039/2413-189X.2022.27.166-208>
23. Stepanenko V.P. Tsula i Kherson v rossiyskoy istoriografii XIX–XX vv. [Tsula and Kherson in Russian Historiography of the 19th–20th Centuries]. *Rossiya i mir: panorama istoricheskogo razvitiya: sb. nauch. st., posvyashch. 70-letiyu istoricheskogo fakulteta Uralskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.M. Gorkogo* [Russia and the World: A Panorama of Historical Development. A Collection of Scientific Articles Dedicated to the 70th Anniversary of the Faculty of History of the Ural State University Named After A.M. Gorky]. Yekaterinburg, Volot Publ., 2008, pp. 27-35.
24. Stepanenko V.P. Vizantiya i Krym v postfemnyy period (konets XI – XII v.): k postanovke problemy [Byzantium and the Crimea in the Post-Thematic Period (Late Eleventh and Twelfth Centuries): The Problem Statement]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2018, iss. XXIII, pp. 713-720. DOI: [10.37279/2413-189X](https://doi.org/10.37279/2413-189X)
25. Stepanenko V.P. Fema Sugdeya v XI v. [The Theme of Sugdaia in the Eleventh Century]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Transactions of the State Hermitage Museum], 2018, vol. 94: *Materialy i issledovaniya Otdela numizmatiki: po materialam konferentsii «Sfragistika, numizmatika, geraldika srednevekovogo Kryma»* [Materials and Researches of the Numismatics Department. Proceedings of the Conference “Sphragistics, Numismatics, Heraldry in the Medieval Crimea”], pp. 56-60.
26. Stepanenko V.P. Fema Bospor po dannym sigillografii [The Theme of Bosporos According to Sigillography]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquities and the Middle Ages], 2022, vol. 50, pp. 155-164. DOI: <https://doi.org/10.15826/adsv.2022.50.010>
27. Chkhaidze V.N. *Vizantiyskie pechaty iz Tamani* [Byzantine Seals from Taman]. Moscow, Institute of Archaeology of Russian Academy of Science, 2015. 202 p.
28. Chkhaidze V.N. Pechati Ioanna, arkhiepiskopa Gotii (X–XI vv.) [Seals of John, Archbishop of Gothia (10th – 11th Centuries)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2016, no. 2, pp. 169-174.
29. Chkhaidze V.N. Vizantiyskaya vlast na Bospore (poslednyaya chetvert XI – nachalo XIII v.) [Byzantine Power in the Bosporus (Last Quarter of the 11th – Beginning of the 13th Centuries)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2018, iss. XXIII, pp. 721-730. DOI: [10.37279/2413-189X](https://doi.org/10.37279/2413-189X)
30. Chkhaidze V.N. Vosstanovlenie vizantiyskoy vlasti na Bospore (poslednyaya chetvert XI v.) [Restoration of Byzantine Power in the Bosporus (Last Quarter of the 11th Century)]. Alekseyenko N.A. ed. *X Mezhdunarodnyy Vizantiyskiy seminar «Chersōnos themata: imperiya i polis»: materialy nauch. konf.* [The 10th International Byzantine Seminar “Chersonos themata: Empire and Polis”. Proceedings of Scientific Conference]. Sevastopol, IAK RAN Publ., 2018, pp. 167-172.
31. Alekseyenko N.A. *L'administration byzantine de Cherson. Catalogue des sceaux*. Paris, ACHCbyz Publ., 2012. 268 p.
32. Alf'orov A. Some New Lead Seals Are from Archive of Kherson (Collection of Oleksii Sheremetiev). *Sfragistychnyi shchorichnyk* [Sphragistic Annual]. Kyiv, Sheremetievs' Museum Publ., 2013, iss. IV, pp. 360-367.
33. Ivakin H., Khrapunov N., Seibt W., eds. Alf'orov A. A Seal of Michael, Archon and Doux of Matracha and All Khazaria (In Oleksii Sheremetiev's Collection). *Byzantine and Rus' Seals. Proceedings of the International Colloquium on Rus'- Byzantine Sigillography (Kyiv, Ukraine, 13–16 September 2013)*. Kyiv, Sheremetievs' Museum Publ., 2015, pp. 97-104.
34. Bury J.B. *The Imperial Administrative System in the Ninth Century*. London, Oxford University Press Publ., 1911. 179 p.
35. Cheynet J.-C. Toparque et topotèrètès à la fin du XI siècle. *Revue des études byzantines*, 1984, t. 42, pp. 215-224.
36. Cheynet J.-C. Du stratège de thème au duc: chronologie de l'évolution au cours du XI siècle. *Travaux et mémoires*, 1985, t. 9, pp. 181-194.
37. Cheynet J.-C., Morrison C., Seibt W. *Les sceaux byzantins de la collection Henri Seyrig*. Paris, Bibliothèque Nationale Publ., 1991. 299 p.
38. Cheynet J.-C., Gökyıldırım T., Bulgurlu V. *Les sceaux byzantins du Musée archéologique d'Istanbul*. İstanbul, İstanbul Research Institute Publ., 2012. 1025 p.
39. Darrouzès J. *Notitiae Episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae*. Paris, Institut Français d'Études Byzantines Publ., 1981. 521 p.
40. Glukatzi-Ahrweiler H. Recherches sur l'administration de l'empire byzantine aux IX–XI siècles. *Bulletin de Correspondance Hellénique*, 1960, vol. 84, pp. 1-111.

41. Haldon J.F. *Byzantine Praetorians. An Administrative, Institutional and Social Survey of the Opsikion and Tagmata, c. 580–900*. Bonn, Dr. Rudolf Habelt GMBH, 1984. 669 p.
42. Jones A.H.M. *The Later Roman Empire. 284–602*. Vol. I–II. Baltimore, The Johns Hopkins University Press Publ., 1986. 1318 p.
43. Jordanov I. *Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria*. Vol. 1: *Byzantine Seals with Geographical Names*. Sofia, Agato Publ., 2003. 211 p.
44. Jordanov I. *Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria*. Vol. 2: *Byzantine Seals with Family Names*. Sofia, Bulgarian Academy of Sciences Publ., 2006. 548 p.
45. Kühn H.-J. *Die Byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. Studien zur Organisation der Tagmata*. Wien, Verlag Fassbaender, 1991. 318 p.
46. Oikonomidès N. *Les listes de préséance byzantines des IX et X siècles*. Paris, Centre National de la Recherche Scientifique Publ., 1972. 403 p.
47. Oikonomidès N. L'évolution de l'organisation administrative de l'Empire byzantin au XI siècle (1025–1118). *Travaux et mémoires*, 1976, t. 6, pp. 125-152.
48. Prigent V. Note sur le topotèrètès de cités en Italie méridionale durant les siècles obscurs. *Studies in Byzantine Sigillography*, 2006, vol. 9, pp. 145-158.
49. Seibt W. Was lehren die Siegel über die Verwaltung von Cherson im Mittelalter? *Zbornik radova Vizantološkog instituta* [Recueil des Travaux de l'Institut d'Études byzantines], 2013, vol. L/1, pp. 187-194.
50. Seibt W. Episkopos tēs Atelou. Residierte der Bischof von Atel in Chazaria (am Unteren Don)? *Studies in Byzantine Sigillography*, 2019, vol. 13, pp. 121-130. DOI: 10.1484/M.SBS-EB.5.116702
51. Wilson L. A Subaltern's Fate. The Office of Tourmarch, Seventh Through Twelfth Century. *Dumbarton Oaks Papers*, 2015, vol. 69, pp. 49-70.
52. Zuckerman C. The End of Byzantine Role in North-Eastern Pontus. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2017, iss. XXII, pp. 311-336. DOI: 10.37279/2413-189X

Information About the Author

Valerii E. Naumenko, Candidate of Sciences (History), Dean of the Faculty of History, Associate Professor, Department of Archeology and World History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Prosp. Vernadskogo, 4, 295007 Simferopol, Russian Federation, byzance@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2590-6314>

Информация об авторе

Валерий Евгеньевич Науменко, кандидат исторических наук, декан исторического факультета, доцент кафедры археологии и всеобщей истории, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, просп. Вернадского, 4, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, byzance@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2590-6314>